

КУЛЬТУРА РЕЧИ И РИТОРИКА ДРЕВНЕЙ РУСИ И ЭПОХИ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗРОБЛЕННОСТИ

Муравьева Марина Владимировна

1. ФГБОУ ВО «РГАУ — МСХА имени К. А. Тимирязева», г. Москва, РФ

Аннотация. Работа посвящена комплексному исследованию культуры речи и риторических практик Древней Руси (IX — 1480 г.) — от официального признания государства до окончания монголо-татарского ига. Актуальность обусловлена необходимостью осмыслить истоки отечественной речевой культуры и проследить преемственность традиций в современной практике. Цель исследования — охарактеризовать речевую культуру и ораторские практики эпохи, проанализировав их особенности в разных социальных слоях. В рамках работы определяются виды красноречия в древнерусском обществе (дипломатическое, военное, политическое, церковное), выявляются принципы речевого поведения, анализируется риторика духовенства, княжеско-боярской среды и городского населения, характеризуются стилистические и композиционные приёмы («плетение словес», стилистическая симметрия, риторические вопросы и др.), оценивается роль книжной традиции и христианской этики. Источниковой базой служат летописи («Повесть временных лет»), церковные тексты («Остромирово Евангелие», «Слово о законе и благодати» Илариона), берестяные грамоты, надписи, граффити и литературные произведения («Почтение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве»). Особое внимание уделяется феномену диглоссии (сосуществованию церковнославянского и древнерусского языков), диалектному разнообразию и влиянию христианства. Результаты исследования применимы в курсах истории русского языка, риторики и культурологии, а также в разработке программ по развитию речевой компетенции.

Ключевые слова: древнерусская речевая культура, риторика Древней Руси, красноречие, диглоссия, церковнославянский язык, древнерусский язык, письменные источники, летописи, берестяные грамоты, христианская этика, стилистические приёмы, композиционные приёмы, нормы речевого поведения, византийское наследие, сословия.

Для цитирования Муравьева Марина Владимировна КУЛЬТУРА РЕЧИ И РИТОРИКА ДРЕВНЕЙ РУСИ И ЭПОХИ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗРОБЛЕННОСТИ / Муравьева Марина Владимировна // Агрофорсайт. 2025. № 3 — Саратов: ООО «ЦеСАин», 2025. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). — Загл. с этикетки диска.

SPEECH CULTURE AND RHETORIC OF ANCIENT RUSSIA AND THE ERA OF FEUDAL DISSOLUTION

Muravyeva Marina Vladimirovna

1. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy", Moscow, Russian Federation

Abstract. This paper presents a comprehensive study of the speech culture and rhetorical practices of Ancient Rus' (9th–1480 AD), from the official recognition of the state to the end of the Mongol-Tatar yoke. Its relevance stems from the need to understand the origins of Russian speech culture and trace the continuity of traditions in modern practice. The purpose of the study is to characterize the speech culture and oratorical practices of the era, analyzing their characteristics across different social strata. The paper identifies the types of eloquence in Ancient Rus' society (diplomatic, military, political, and ecclesiastical), identifies principles of speech behavior, analyzes the rhetoric of the clergy, princely-boyar circles, and the urban population, characterizes stylistic and compositional devices (word weaving, stylistic symmetry, rhetorical questions, etc.), and evaluates the role of the literary tradition and Christian ethics. The source material includes chronicles (The Tale of Bygone Years), church texts (The Ostromir Gospel, Hilarion's "Sermon on Law and Grace"), birch bark manuscripts, inscriptions, graffiti, and literary works (The Sermon of Vladimir Monomakh, The Tale of Igor's Campaign). Particular attention is paid to the phenomenon of diglossia (the coexistence of Church Slavonic and Old Russian), dialectal diversity, and the influence of Christianity. The research findings are applicable to courses in the history of the Russian language, rhetoric, and cultural studies, as well as to the development of programs for the development of speech competence.

Key words: Old Russian speech culture, rhetoric of Old Rus', eloquence, diglossia, Church Slavonic language, Old Russian language, written sources, chronicles, birch bark letters, Christian ethics, stylistic devices, compositional devices, norms of speech behavior, Byzantine heritage, estates.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления истоков отечественной речевой культуры и ораторского искусства. Изучение риторики Древней Руси позволяет:

- проследить эволюцию норм речевого поведения;
- выявить преемственность традиций в современной речевой практике;
- понять специфику коммуникативных стратегий древнерусского общества;
- оценить влияние христианской этики и византийского наследия на формирование речевой культуры.

Цель работы — комплексно охарактеризовать культуру речи и риторические практики Древней Руси, проанализировать их особенности в различных социальных слоях.

Задачи исследования:

1. Определить основные виды красноречия, распространённые в древнерусском обществе.
2. Выявить ключевые принципы и нормы речевого поведения, зафиксированные в письменных источниках.
3. Проанализировать особенности риторики в разных сословиях (духовенство, княжеско-боярская среда, городское население).
4. Охарактеризовать композиционные и стилистические приёмы, типичные для древнерусских ораторских произведений.
5. Оценить роль книжной традиции и христианской этики в формировании речевой культуры.

Перспективы исследования связаны с возможностью использования полученных данных в курсах истории русского языка, риторики, культурологии, а также в разработке программ по развитию речевой компетенции.

Основная часть

Первоначально определим основные факторы изучения культуры речи Древней Руси до окончания монголо-татарского ига. Здесь выделим три ключевых фактора: хронологические рамки, источники и особенности формирования речи. Эти аспекты взаимосвязаны и определяют возможности реконструкции языковых и культурных процессов того периода.

Хронология. Первая период существования государства от 862 до 1237 года н.э., т.е. до момента первого масштабного и разрушительного нашествия монго-татар. Это было вторжение войск Монгольской империи на территорию древнерусских княжеств в ходе Западного похода монголов (Кипчакского похода) 1236–1242 годов. Вторая, на более время окончания периода – 1132 год. В 1132 году после смерти князя Мстислава Владимировича начался распад Руси на ряд самостоятельных русских княжеств и земель: Новгородская земля, Владимиро-Суздальское княжество, Галицко-Волынское княжество, Черниговское княжество, Рязанское княжество, Полоцкое княжество и др. При этом Киев оставался объектом борьбы между наиболее сильными княжескими ветвями, а Киевская земля считалась коллективным владением Рюриковичей. Начальный период удельных русских княжеств. Третья точка зрения – с завершением феодальной раздробленности,

что является не совсем верным. Для автора исследования каждый из указанных периодов все же отдельные эпохи, хотя она и может сливаться в исследовании в единый для изучения эволюции культуры речи по причине ограниченности исходного материала. Именно этим можно объяснить названия ряда исследований, в том числе Т.В. Буланиной [2] (границы времени до XVI века) и Т. В. Черторицкой (границы до XVII века) [9]. Это связано с тем, что из-за переломных и тяжёлых времен (пожаров, нападения врагов, вывоз документов за границы), плохой сохранности письменные источники, содержащие сведения о культуре речи исчезали, до наших времен дошли ограниченные сведения и немногочисленные оригиналы. Для исследования охвачен период с IX до 1480 года, т.е. с момента официального признания государства до окончания монголо-татарского ига.

До монголо-татарского нашествия (начало XIII века) выделяют два этапа в развитии древнерусского языка:

1. Раннедревнерусский период (примерно до конца XI — начала XII века) — формирование языка древнерусской народности в рамках единого государства. В этот период распространяется книжно-письменный язык на старославянской основе как язык государства и церкви.
2. Позднедревнерусский период (до XIII века) — эпоха феодальной раздробленности, которая привела к обособлению крупных диалектных зон.

Монголо-татарское иго (с XIII века) внесло новые элементы в язык (например, тюркские заимствования), что знаменует переход к следующему этапу его развития.

Источники. Это сохранившиеся письменные источники: летописи, «Слова...», религиозные тексты, дипломатические договоры и юридические документы, берестяные грамоты. В них прослеживаются тренды общения. Древнерусский язык сформировался приблизительно в VI–VII веках как общевосточнославянский язык, выделившийся из праславянского. Его развитие ускорилось после основания Древнерусского государства в IX веке с центром в Киеве. Письменность на Руси начала распространяться после крещения в 988 году. Первые книги появились в XI веке.

Основные источники для изучения древнерусской речи и культуры речи являются:

1. *Летописи* — погодные записи, отражающие как литературные, так и живые языковые явления, включая диалектные черты.

Важнейший памятник — «Повесть временных лет» (начало XII века). В летописях фиксируются события, терминология (религиозная, общественно-политическая, военная), а также мировоззрение эпохи.

Рисунок 1 Страница из «Летописи временных лет» (Лаврентовский список)
источник: https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.p

Летописи до XII века представляют собой уникальные памятники древнерусской письменности, совмещающие функции исторического источника, литературного

произведения и культурного документа эпохи. В их структуре органично соединены погодная запись событий (по годам), документальные вставки (международные договоры, акты), самостоятельные литературные тексты (повести, жития, поучения) и элементы устного народного творчества. Ключевым памятником этого ряда выступает «Повесть временных лет» (первая четверть XII века), сохранившаяся в более поздних списках — Лаврентьевском (1377 г.) и Ипатьевском (начало 1420-х гг.). Её композиция включает вводную космографическую часть без абсолютных дат и основную анналистическую часть с годовыми статьями, что задаёт двухуровневую организацию повествования.

Языковая основа летописного текста формируется на пересечении церковнославянской книжной нормы и живой древнерусской речи. Древнерусский извод церковнославянского языка интегрирует обширный пласт русизмов — лексических, морфологических и синтаксических элементов разговорного и делового языка восточных славян. При этом наблюдается чёткое функциональное распределение: церковнославянский используется для библейских цитат, сакральных формул и проповедей, тогда как древнерусский преобладает в описаниях бытовых ситуаций, правовых норм и прямой речи персонажей. Такое двуязычие (диглоссия) создаёт особую стилистическую полифонию, где соседствуют высокая книжная речь и естественная разговорная интонация.

Стилистический облик летописей определяется системой устойчивых приёмов, формирующих специфику древнерусского письменного дискурса. К ним относятся плеоназм (избыточное употребление синонимичных единиц), лексический повтор (намеренное дублирование слов для усиления смысловых акцентов), антитеза (противопоставление «своих» и «чужих», праведного и греховного), а также активное использование прецедентных текстов и имён (прежде всего библейских персонажей). Важную роль играет формульность — применение устойчивых клише для обозначения типовых ситуаций (например, «*поправити зло*» в значении «*исправить положение*»). Эти приёмы не только структурируют повествование, но и задают идеологическую рамку интерпретации событий.

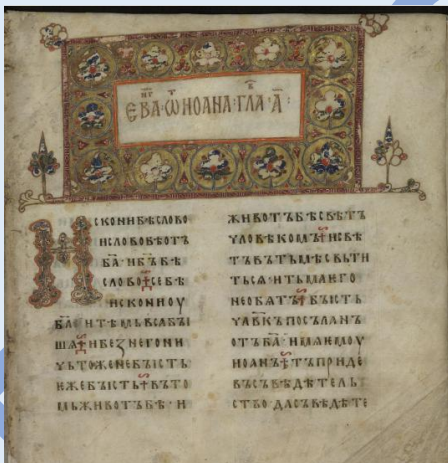
Взаимодействие с устными и письменными традициями проявляется в синтезе фольклорных и книжных элементов. В летописях встречаются метафорические образы, гиперболы, песенно-плачевые формулы, характерные для народного творчества, при этом нарратив регулярно опирается на библейские топосы и церковные каноны. События интерпретируются через призму ветхозаветных и новозаветных сюжетов, а выводы формулируются в моральном, религиозно-идеологическом или общественно-политическом ключе. Подобный синтез создаёт многослойность текста, где сочетаются риторическая торжественность, лаконичная анналистика и живая разговорная речь.

Региональные особенности летописного языка отражают диалектное многообразие восточнославянского ареала. В текстах фиксируются фонетические различия (рефлексы праславянских звуков), локальная лексика (региональные номинации) и синтаксические модели, свойственные отдельным княжествам. Однако локализация грамматических и синтаксических явлений осложняется редакторскими правками при переписывании и

тенденцией к стандартизации церковнославянской нормы. Это делает задачу реконструкции исходного языкового облика летописных сводов особенно трудоёмкой.

При работе с летописями необходимо учитывать ряд источниковедческих ограничений. Во-первых, до нас дошли не оригиналы, а поздние списки (XIII–XIX веков), что предполагает возможные искажения первоначального текста. Во-вторых, переписчики нередко вносили сознательные или неосознанные изменения: адаптировали орфографию к нормам своей эпохи, заменяли непонятные слова синонимами, добавляли комментарии. В-третьих, летописи не являются нейтральными хрониками — они подчиняются литературным канонам и идеологическим задачам, что влияет на отбор фактов и способы их интерпретации. Наконец, фрагментарность сохранности многих ранних сводов вынуждает исследователей прибегать к реконструкции на основе косвенных данных.

Значение летописей для изучения культуры речи Древней Руси трудно переоценить. Они позволяют проследить эволюцию лексико-семантических полей (особенно в политической и религиозной сферах), выявить механизмы взаимодействия книжной и разговорной норм, проанализировать стилистические стратегии древнерусских книжников (цитирование, аллегория, антитеза). Кроме того, летописи служат источником для реконструкции диалектного ландшафта восточнославянских земель и изучения влияния византийской и южнославянской традиций на формирование русской литературной нормы. Таким образом, эти памятники представляют собой многоуровневый источник, объединяющий лингвистические, историко-культурные и литературоведческие данные для комплексного анализа речевой практики домонгольской Руси.

2 Церковные тексты — богослужебные книги, молитвенники, библейские переводы. Они написаны на церковнославянском языке, который на Руси трансформировался под влиянием местных диалектов. Среди сохранившихся памятников — «Остромирово Евангелие» (1056–1057 гг.), «Изборник Святослава» (1073–1075 гг.).

Рисунок 2 Страница Остромирово Евангелие
1056-1057 г

Источник:

https://expositions.nlr.ru/ex_manus/Ostromir_Gospel/_Project/page_Manuscripts.php?izo=B42EB88E-8BD8-44A1-9754-EF88B39E7CAC&nCodeList=2

Церковные тексты до XV века представляют собой фундаментальный источник для исследования культуры речи Древней Руси, позволяющий реконструировать языковые нормы, механизмы взаимодействия книжной и разговорной речи, а также проследить

влияние христианской традиции на становление литературного языка. После крещения Руси в 988 году церковнославянский язык, восходящий к старославянскому языку, созданному Кириллом и Мефодием, утвердился в качестве языка богослужения и основной письменной нормы. Постепенно на его базе сформировался древнерусский извод церковнославянского языка, в который последовательно проникали элементы живой восточнославянской речи.

Корпус церковных текстов до XV века охватывает несколько ключевых жанровых групп. К ним относятся богослужебные книги (Евангелия, Псалтири, Служебники, Требники), составлявшие ядро книжного фонда Древней Руси и отличавшиеся строгой приверженностью церковнославянской норме при минимальном проникновении разговорных элементов.

Значительную долю памятников составляют жития святых, среди которых выделяются «Сказание о Борисе и Глебе», жития Феодосия Печерского и других подвижников; в этих текстах наблюдается синтез книжных и бытовых речевых пластов.

Особую группу образуют проповеди и поучения (творения Илариона, Кирилла Туровского, Феодосия Печерского), где нередко прослеживается тенденция к упрощению синтаксиса и использованию лексики, приближённой к разговорной, что обуславливалось задачей доступности для восприятия. Их творчество представляет собой синтез византийских образцов и местной языковой практики, что позволяет рассматривать его как ключевой источник для изучения эволюции культуры речи до XV века.

Первым в ряду этих деятелей стоит митрополит **Иларион Киевский** (умер около 1054/55 года) — первый митрополит русского происхождения, сподвижник Ярослава Мудрого (о биографии см. работу Веретенников М. [3]).

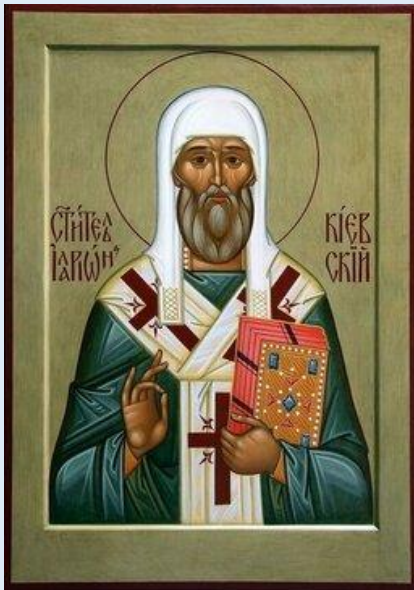

Его «О Законе, данном Моисеем, и о благодати, явленной Иисусом Христом, и как Закон миновал, а благодать и истина наполнила всю землю, и вера распространилась во всех народах вплоть до нашего народа русского; и похвала кагану нашему Владимиру, коим мы были крещены; и молитва к Богу от всей земли нашей». (далее принятое – «**Слово о законе и благодати**» (ор. 1038 год, подробно о предположении создании в работе А.Н.Ужанкова [6]) является одним из наиболее ранних оригинальных произведений древнерусской литературы и образцом торжественного красноречия и носящая глубокий теологический смысл (см работу М.А. Пастухова [10]).

Рисунок 3. Синодальный список «Слово о законе и благодати»

Примечание: Список хранится в Синодальной библиотеке (ГИМ, Син. №591).

Кроме того, Мещерский Н. А. [5] отмечал: «Это выдающийся памятник искусства слова, свидетельствующий как о большом мастерстве его создателя, так и о высоком уровне речевой культуры Руси в ту эпоху, когда произведение было написано».

Икона Святитель Иларион
Киевский

Постановление Илариона в митрополита Киевского.
Миниатюра из Радзивилловской летописи. Кон. XV в. (БАН.
34.5.30. Л. 90)

Рисунок 4.

Композиционно текст выстроен на антитезе «закона» и «благодати», что задаёт смысловой и структурный каркас повествования. В нём органично сочетаются:

- библейская экзегетика, опирающаяся на авторитетные византийские толкования;
- политическая апология княжеской власти, вписывающая Русь в универсальную историю спасения;
- ритмическая организация прозы, достигаемая за счёт параллелизмов, нагнетания синонимических рядов и периодичности синтаксических конструкций.

По одной из версий «Слово о законе и благодати» — запись торжественной речи митрополита, которая была произнесена в храме Святой Софии в Киеве. При этом предполагается, что речь была построена в сочитании с имеющимися фресками и произносилась она для Ярослава Мудрого (имя в крещении – Георгии). Интересным является и еще одна параллель: хотя текст имеет глубокий религиозный смысл с использованием искусства риторики, четко подчеркивает мысль автора как патриота своей страны, а также наводит на мысль о неслучайности включения в труд сравнения земных законов и Божественной благодати (правовую мысль данного произведения рассматривалось в диссертации [11]). Ведь в самой ранней части «Русской правды» как первого зафиксированного и дошедшего источника права древней Руси были как раз статьи (до 19) авторства Ярославу Мудрому к которому в том числе обращено произведение. Правовая мысль вплетена в работу в продолжение (или в рамках

неизвестной нам полемики) в рамках разработок элементов церковного права в «Уставе о церковных судах Ярослава Мудрого»⁴ в которой принимал участие Иларион Киевский.

Иларион создаёт модель «высокого стиля» церковной проповеди, где книжная норма, сохраняя верность переводным образцам, адаптируется к восточнославянскому культурно-языковому контексту. Это позволяет говорить о формировании специфически русской традиции церковного красноречия уже в XI веке.

На рубеже XII века выдающимся мастером слова становится **Кирилл Туровский** (около 1130–1182), епископ Туровский, автор циклов слов на праздничные дни, покаянных молитв и повестей-притч.

Его риторика отличается:

- синтезом учительного и поэтического начал: активное использование метафор, аллегорий, символических толкований придаёт текстам многозначность;
- диалогичностью: риторические вопросы, призывы, обращения к аудитории создают эффект живого общения;
- тонкой работой с библейским текстом: цитирование, парафразы, аллюзии демонстрируют глубокое знание Священного Писания и умение встраивать его в актуальный контекст;
- стилистической упорядоченностью: чёткая композиция, повторы-рефрены, синтаксический параллелизм обеспечивают целостность восприятия;
- введением «лирического» элемента: личные переживания и исповедальные интонации расширяют границы церковного красноречия, сближая его с индивидуальной духовной практикой.

Параллельно с Кириллом Туровским действует **Климент (Клим) Смолятич**, митрополит Киевский (1147–1155), мыслитель и полемист, известный своей эрудицией и склонностью к философско-богословским рассуждениям. Хотя его наследие сохранилось фрагментарно, свидетельства современников и летописные упоминания позволяют реконструировать ключевые черты его стиля:

- усложнённая аргументация, опирающаяся на античную и византийскую традицию, что порождало споры о допустимости «светской» учёности в церковной речи;
- вариативность стилистических регистров — от строгой дидактики до образной экспрессии, свидетельствующая о гибкости риторической системы;
- стремление к интеллектуальной глубине проповеди, что отличает его от более «практичных» проповедников.

Особую линию в древнерусском красноречии представляет **Феодосий Печерский** (около 1008–1074), игумен Киево-Печерского монастыря, автор поучений и посланий. Его риторика ориентирована на практическую нравственную дидактику, что проявляется в:

- ясности и прямоте высказывания, избегании риторической избыточности;
- опоре на библейские заповеди и монашеские идеалы, формирующие этический каркас текста;
- сочетании обличительного пафоса (против грехов, мирских соблазнов) с пастырской заботой, что создаёт баланс между строгостью и милосердием;

⁴ Устав о церковных судах Ярослава Мудрого не только разделяет церковный и княжеский суд по подсудности дел, но и рассматривает семейное право и уголовные преступления против личности и семьи.

- использовании разговорных элементов и пословиц, сближающих книжную речь с живой коммуникацией;
- предпочтении «простого» стиля, где эффективность воздействия ценится выше орнаментальности.

Общие черты древнерусской церковной риторики складываются в результате взаимодействия византийских канонов и местных традиций. К ним относятся:

- **дидактическая доминанта:** главной целью является наставление, а не эстетическое удовольствие; красноречие служит богословской и воспитательной задачам;
- **библейский фундамент:** тексты насыщены цитатами, парафразами, аллюзиями на Священное Писание; толкование Писания выступает основным риторическим ходом;
- **стилистическая иерархия:** сосуществование «высокого» (торжественного, метафорического) и «простого» (прямолинейного, поучительного) стилей в зависимости от жанра и адресата;
- **устойчивый набор риторических приёмов:** антитеза и параллелизм, повторы и нарастание, метафорика и символика, риторические вопросы и обращения, клишированные формулы и топосы (например, «братие возлюбленнии», «страшно есть...»);
- **взаимодействие языков:** церковнославянская норма обогащается за счёт древнерусских лексико-грамматических элементов, особенно в поучениях и посланиях;
- **жанровая гибкость:** проповеднические формы впитывают черты жития, притчи, молитвы, что расширяет выразительные возможности книжной речи.

Значение церковных риторов для культуры речи заключается в следующем:

- они закрепляют нормы книжного языка, балансируя между византийскими образцами и восточнославянской речевой практикой;
- формируют репертуар риторических стратегий, которые впоследствии влияют на светскую литературу и публицистику;
- демонстрируют способы адаптации переводных моделей к местной культурной среде;
- фиксируют эволюцию лексико-семантических полей (религиозная, этическая, социальная лексика);
- служат источником для реконструкции диалектных и стилистических различий внутри древнерусского извода церковнославянского языка.

Таким образом, творчество древнерусских церковных риторов представляет собой не только памятник богословской мысли, но и важный этап в становлении русского литературного языка. Их сочинения позволяют проследить, как языковые практики отражали и формировали мировоззрение, ценности и коммуникативные стратегии древнерусского общества, создавая устойчивую традицию книжного красноречия, которая сохраняла свою актуальность на протяжении столетий.

Кроме того, сохранились памятники канонической церковно-юридической литературы («Уставы», «Правила»), а также сборники разножанровых текстов — четьи-минеи, торжественники, златоустники.

Специфика церковных текстов как источника по истории культуры речи определяется рядом существенных черт. Прежде всего, для древнерусской языковой ситуации характерна диглоссия: церковнославянский язык функционировал в сфере богослужения и книжности, тогда как древнерусский обслуживал бытовую коммуникацию и делопроизводство. Это двуязычие порождало постоянное взаимодействие двух систем, при котором книжная норма сохраняла архаичность и стремление к каноничности, а разговорная речь оказывала влияние на лексико-грамматический строй церковнославянских текстов. Существенным фактором стало воздействие греческого языка: в церковные тексты проникали грецизмы (например, «алтарь», «евангелие», «кедр»), а также новые синтаксические конструкции и семантические сдвиги, обусловленные греческими оригиналами.

В стилистическом плане церковные тексты демонстрируют устойчивый набор риторических приёмов: нагнетание синонимичных единиц, метафоричность, антитезы, синтаксический параллелизм, активное использование библейской фразеологии и топосов («царствие небесное», «благодать божия»). Эти средства не только формировали эстетику книжной речи, но и служили инструментами идеологического кодирования, позволяя автору выражать оценку событий и персонажей. При этом в разных жанрах наблюдается вариативность стилистических решений: если богослужебные книги тяготели к максимальной консервативности, то проповеди и жития допускали большую свободу в отборе языковых средств.

Важным аспектом является региональная дифференциация церковнославянского языка. Под влиянием местных говоров складывались различные изводы (болгарский, сербский, русский), что отражалось в фонетических, лексических и синтаксических особенностях текстов. Однако локализация этих черт затруднена вследствие редакторских правок при переписывании и тенденции к унификации книжной нормы.

При работе с церковными текстами исследователь сталкивается с рядом источниковедческих ограничений. Во-первых, до нас дошли преимущественно поздние списки (XIII–XV веков), что предполагает возможные искажения первоначального текста: переписчики могли адаптировать орфографию к нормам своей эпохи, заменять непонятные слова синонимами, вносить комментарии или сокращать фрагменты. Во-вторых, церковные тексты не являются нейтральными документальными свидетельствами — они подчинены литературным канонам и идеологическим задачам, что влияет на отбор фактов и способы их интерпретации. В-третьих, степень понимания средневековыми читателями содержания богослужебных текстов остаётся дискуссионной: если воспроизведение заученных фрагментов было распространённым навыком, то глубина осмысления семантики зачастую остаётся за пределами прямого наблюдения.

Значение церковных текстов для изучения культуры речи заключается в их многофункциональности как источников. Они позволяют:

- проследить эволюцию лексико-семантических полей, особенно в религиозной и богословской сферах;
- выявить механизмы взаимодействия книжной и разговорной норм, включая процессы заимствования и адаптации элементов разных языковых пластов;

- проанализировать стилистические стратегии древнерусских книжников (цитирование, аллегория, антитеза, синтаксический параллелизм);
- реконструировать диалектный ландшафт восточнославянских земель на основе фиксации фонетических и лексических особенностей;
- оценить влияние византийской и южнославянской традиций на формирование русской литературной нормы.

Таким образом, церковные тексты до XV века выступают как многоуровневый источник, интегрирующий лингвистические, историко-культурные и литературоведческие данные. Их анализ даёт возможность не только описать состояние языка определённой эпохи, но и понять, как языковые практики отражали и формировали мировоззрение, ценности и коммуникативные стратегии древнерусского общества.

2. Берестяные грамоты — бытовые документы (договоры, переписки, распоряжения), обнаруженные в Новгороде и других городах (сейчас количество найденных грамот приближается к 1,4 тысячи). Они отражают живую разговорную речь разных социальных слоёв⁵: это могут быть долговые расписки, краткие сообщения, просьбы, переданные от одного лица к другому, бирки, любовные письма и т.д. При чем текст может быть написан как в очень вежливой форме с соблюдением античных терминов (что говорит об очень образованном авторе), так и в грубой форме (при требовании или возврате долгов, например).

[+ w̄] рошькѣ къ степану : добро сътвори
крьни ми : соукъньце : роудаво и поклан-
ю вы сѧ строви же ми боудите вси и ѧ
строве хожю

«Рошка (уменьшительное от какого-то имени на *Ро-*) просит Степана купить красно-бурое сукно, при этом используя два вежливых выражения, напоминающих об Античности: *добро сътвори* («пожалуйста»; давно известная калька с греческого *καλῶς ποιῆν*) и *строви же ми боудите вси и ѧ строве хожю* («будьте же все (у меня) благополучны, и я пребываю благополучен»; под «здоровьем» подразумевалось прежде всего социальное благополучие). Римляне, как известно, писали в письмах в том же смысле *Si tu vales, bene est, ego valeo* («Если ты здоров, хорошо, я здоров») — формула, имевшая сокращение S.T.V.B.E.E.V.»

⁵ Предположительно высокой грамотности в ряде городов, в том числе Новгорода

Рисунок 5. Берестянная грамота 1211 «Письмо от Рошки к Степану»

Источник: См. Берестянные грамоты — 2024: дело о похищенной невесте, вдова и ее друг, а также совет удавиться <https://arzamas.academy/mag/1311-beresta24?ysclid=mlk9u2cqiz494044036>

3. Надписи — на монетах, сосудах (например, Гнездовская надпись X века), камнях (Тмутараканский камень 1068 года), крестах, печатях.

Перевод:

В год 6576 (1068) индикта 6 Глеб князь мерил море по льду от Тмутаракани до Корчева — десять тысяч и четыре тысячи сажен.

Рисунок 6 Тмутараканский камень, 1068 года

Въ лѣто ✕сѣѣс индикта ̅ глѣбъ князь мѣрилъ
мо<ре> по ледѣ ѿ тѣмѣторокана до кѣрчева ✕ї
и ✕д саже<нь>

4. Граффити — надписи на стенах соборов, колоколах и других объектах. Часто начинаются с формулы «Господи помози...».
5. Литературные произведения — «Слово о законе и благодати» (1051 г.), «Поучение Владимира Мономаха» (1096 г.), «Слово о полку Игореве» (конец XII века) и др. Эти тексты сочетают церковнославянский язык с древнерусским, отражая диалектные различия.

Также используются данные сравнительной грамматики славянских языков, топонимики, гидронимики и изучения иноязычных заимствований.

Особенности формирования речи

1. *Двуязычие (диглоссия)*. Существовало разделение между церковнославянским языком (книжным, богослужбным) и древнерусским (бытовым, разговорным). Переписчики часто адаптировали церковнославянские тексты, приближая их к русским особенностям.
2. *Диалектное разнообразие*. Древнерусский язык делился на диалектные зоны: юго-западную (киевские и галицко-волынские говоры), западную (смоленские и полоцкие), юго-восточную (рязанские и курско-черниговские), северо-западную (новгородские и псковские), северо-восточную (ростово-суздальские). Например, «Слово о полку Игореве» написано с чертами черниговско-курского диалекта.
3. *Влияние христианства*. После крещения Руси в 988 году церковнославянский язык стал основой письменной традиции. Это повлияло на лексику, грамматику и стилистику древнерусской речи. Многие литературные произведения имели религиозно-учительную направленность.
4. *Фонетические и грамматические изменения*. В дописьменный и письменный периоды происходили значительные фонетические процессы: падение редуцированных гласных (ъ, ь), вторичное смягчение согласных, переход [е] в [о]

перед твёрдым согласным и др... Эти изменения влияли на произношение и орфографию.

5. *Взаимодействие с другими языками.* До монголо-татарского нашествия влияние оказывали в основном византийский греческий и другие славянские языки. Позже, с XIII века, начали проникать тюркские заимствования.

Изучение этих факторов позволяет реконструировать эволюцию языка, его социальную и культурную обусловленность в период до монголо-татарского ига.

Виды красноречия в Древней Руси

В древнерусской речевой практике выделялись следующие основные виды красноречия:

- дипломатическое (переговоры князей между собой и с иностранными государствами; пример — «Договор русских князей с греками» после победы князя Олега под Царьградом);
- военное (обращения князей и воевод к войску и народу; образцы — «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве»);
- политическое (речи на вече, в княжеской думе; переписка Ивана Грозного с князем А. Курбским);
- церковное (торжественное) — поучения, проповеди, слова на праздники (например, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона, «Слова» Кирилла Туровского, «Слова» Серапиона Владимирского).

2. Принципы речевого поведения

Идеал речевого поведения в Древней Руси предполагал: уважение к книжному слову и мудрости; смысловую насыщенность и эмоциональность; смирение, кротость, сдержанность в речи; уважение к ближнему и любовь к нему; открытость миру и единство с ним; простоту и уравновешенность; приветливость в речах; отсутствие желания осуждать, презирать, хулить; отказ от лести, пустословия, многословия.

Эти нормы отражены в памятниках письменности (например, в сборнике «Пчела»), где зафиксированы изречения о житейской мудрости, включая правила практической риторики.

3. Риторика в разных сословиях

○ **Духовенство.** Для церковного красноречия характерны строгая опора на Священное Писание и сочинения отцов Церкви; использование тропов (метафор, перифраз, сравнений, эпитетов), риторических вопросов и восклицаний; ритмизация прозы, приближение к стихотворной форме; композиционная схема: вступление (привлечение внимания), повествовательная часть (рассказ с отступлениями), заключение (молитва или похвала); акцентирование нравственно-этической тематики (осуждение грехов, призыв к единению, покаянию). Примеры: «Слово о Законе и Благодати» Иллариона, проповеди Кирилла Туровского.

○ **Княжеско-боярская среда.** Риторика этого слоя отличалась ориентацией на государственно-политическую проблематику; использованием аргументов, опирающихся на традицию и авторитет; сочетанием торжественности и прагматизма; включением исторических отсылок и примеров. Примеры: «Поучение» Владимира Мономаха, переписка Ивана Грозного с А. Курбским.

○ Городское население и книжники. Для этой среды характерны: более свободная композиция и стилистика; включение бытовых деталей и житейской мудрости; использование вопросо-ответной формы, аналогий, пословиц; акцент на практической пользе речи (советы по хозяйству, воспитанию, поведению). Пример: «Моление Даниила Заточника».

4. Стилистические и композиционные приёмы

Для древнерусских риторических произведений типичны: «плетение словес» — обилие тропов, повторов, синонимов, единоначатий; стилистическая симметрия — повторение смысла разными словами и образами; удвоение понятий — усиление сопоставления и противопоставления; риторические вопросы и восклицания — вовлечение слушателя в диалог; цитаты и аналогии из Священного Писания — подкрепление авторитетом; длинные перечисления и синтаксические конструкции — создание торжественного тона; символическая зашифрованность — многозначность, «сверхсмысл».

Эти приёмы служили не столько логической аргументации, сколько эмоциональному воздействию, стремлению увлечь слушателя, задеть его воображение.

Выводы

1. Риторика Древней Руси представляла собой сложную систему речевых практик, опирающуюся на византийско-античное наследие и христианскую этику. Несмотря на отсутствие специальных руководств по риторике до XVII века, древнерусские книжники овладевали ораторским искусством через изучение классических текстов и творческое подражание.

2. В древнерусском обществе сложились разные виды красноречия (дипломатическое, военное, политическое, церковное), каждый из которых имел свои композиционные и стилистические особенности.

3. Нормы речевого поведения были тесно связаны с христианскими ценностями: смирением, кротостью, уважением к собеседнику, отказом от пустословия. Эти принципы зафиксированы в письменных памятниках и сборниках житейской мудрости.

4. Риторика разных сословий (духовенства, княжеско-боярской среды, городского населения) отличалась тематикой, стилистикой и функциональными целями: от торжественных проповедей до практических советов и политических речей.

5. Характерные приёмы древнерусской риторики (плетение словес, стилистическая симметрия, риторические вопросы, символика) были направлены на эмоциональное воздействие, создание «сверхсмысла», доступного даже неподготовленному слушателю.

6. Изучение культуры речи и риторики Древней Руси позволяет лучше понять истоки современных коммуникативных норм и способствует сохранению культурно-речевых традиций.

Список источников

1. Белокрыс, К. Г. Особенности развития риторики в Древней Руси / К. Г. Белокрыс // Молодёжь и общество: проблемы и перспективы развития : материалы XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистров и аспирантов. — Ярославль, 2023. — С. 283–285.

2. Буланина, Т. В. Риторика в Древней Руси: сведения о теории красноречия в русской письменности XI–XVI вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Т. В. Буланина. — Ленинград, 1985. — 226 с.

3. Веретенников, М. Киевский митрополит Иларион (1051–1054) / М. Веретенников // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2014. — № 2 (8). — С. 102–119.
4. Лукин, П. В. Республиканская риторика в Древней Руси / П. В. Лукин // Res Publica: русский республианизм от Средневековья до конца XX века : сер. «Интеллектуальная история». — Москва, 2021. — С. 76–152.
5. Мещерский, Н. А. К изучению языка «Слова о законе и благодати» / Н. А. Мещерский // Труды отдела древнерусской литературы. — Т. 30 : Историческое повествование Древней Руси. — Ленинград, 1976. — С. 231.
6. Ужанков, А. Н. О времени написания и месте прочтения «Слова о законе и благодати» Илариона Киевского / А. Н. Ужанков // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. — 2010. — № 1. — С. 327–379.
7. Федоровская, Н. А. Особенности обучения искусству риторики в Древней Руси / Н. А. Федоровская // Русская словесность. — 2009. — № 4. — С. 76–79.
8. Федоровская, Н. А. Восприятие певчими музыкальной риторики в Древней Руси / Н. А. Федоровская // Музыковедение. — 2008. — № 5. — С. 50–54.
9. Часовитина, О. В. Риторика речи перед боем в «Повести о житии Александра Невского» в контексте воинской культуры Древней Руси IX — первой половины XIII в. / О. В. Часовитина // Источниковедение и культура: человек и окружающая среда : сборник статей по материалам студенческих научных конференций / отв. ред. Н. Е. Соничева. — Москва, 2022. — С. 134–140.
10. Пастухов М.В., прот. «Слово о законе и благодати»: анализ христологии литературного памятника // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2024. № 2 (25). С. 29-44. 001: 10.56621/27825884_2024_25_29
11. Погосбекян, Дмитрий Рубенович. Политические и правовые идеи в "Слове о Законе и Благодати" Илариона (XI) : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Погосбекян Дмитрий Рубенович ; [Место защиты: Институт государства и права РАН]. — Москва, 2003. — 25 с.

References

1. Belokryz, K. G. (2023). *Features of rhetoric development in Ancient Rus*. In: Youth and society: problems and prospects of development. Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference of Students, Masters and Postgraduates. Yaroslavl, pp. 283–285.
2. Bulanina, T. V. (1985). *Rhetoric in Ancient Rus: information about the theory of eloquence in Russian writing of the 11th–16th centuries*. PhD thesis. Leningrad, 226 p.
3. Veretennikov, M. (2014). *Kiev Metropolitan Hilarion (1051–1054)*. Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary, no. 2(8), pp. 102–119.
4. Lukin, P. V. (2021). Republican rhetoric in Ancient Rus. In: *Res Publica: Russian republicanism from the Middle Ages to the late 20th century*. Series «Intellectual History». Moscow, pp. 76–152.
5. Meshchersky, N. A. (1976). On the study of the language of the «Word of Law and Grace». Proceedings of the Department of Old Russian Literature, vol. 30: Historical narrative of Ancient Rus. Leningrad, p. 231.
6. Uzhankov, A. N. (2010). On the time of writing and place of reading of the «Word of Law and Grace» by Hilarion of Kiev. Sretensky Collection. Scientific works of SDS teachers, no. 1, pp. 327–379.
7. Fedorovskaya, N. A. (2009). Features of teaching the art of rhetoric in Ancient Rus. Russian Literature, no. 4, pp. 76–79.
8. Fedorovskaya, N. A. (2008). Perception of musical rhetoric by singers in Ancient Rus. Musicology, no. 5, pp. 50–54.
9. Chasovitina, O. V. (2022). Rhetoric of speech before battle in the «Tale of the Life of Alexander Nevsky» in the context of the military culture of Ancient Rus IX — first half of the 13th century. Source studies and culture: man and environment. Collection of articles based on student scientific conferences. Moscow, pp. 134–140.
10. Pastukhov, M. V. (2024). «Slovo o zakone i blagodati»: Analiz khristologii literaturnogo pamyatnika [«The Word of Law and Grace»: An analysis of the Christology in the literary monument]. Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dikhovnoi seminarii [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary], 2(25), 29–44.
11. Pogosbekyan, D. R. (2003). Politicheskie i pravovye idei v «Slovo o Zakone i Blagodati» Ilariona (XI): Avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk [Political and legal ideas in Ilarion's «The Word of Law and Grace» (11th century): A bstract of Cand. Sci. (Law) dissertation] (Unpublished doctoral dissertation). Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow.